

Крестины / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

Крестины / рассказ КРЕСТИНЫ

– Ну-ка, доктор, коньячку!

– С удовольствием.

И старый морской врач, протянув рюмку, смотрел, как она наполнялась до краев красивой жидкостью с золотистым отблеском.

Затем он поднял рюмку до уровня глаз, посмотрел ее на свет лампы, понюхал, пригубил, медленно смакуя первые капли языком, влажной и нежной оболочкой нёба, и сказал:

– О чудесный яд! Или скорее обольстительный убийца, пленительный губитель целых народов!

Никто из вас не знает его. Вы, правда, читали замечательную книгу, озаглавленную Западня, но вы не видели, подобно мне, как алкоголь истребил целое племя дикарей, маленькое негритянское царство, – тот самый алкоголь, который привозили в пузатых бочонках и невозмутимо выгружали рыжебородые английские матросы.

А кроме того, на моих глазах по вине алкоголя произошла необычайная и потрясающая драма, разыгравшаяся совсем близко отсюда, в Бретани, в одной деревушке близ Пон л'Аббе.

Взяв отпуск на год, я жил тогда в деревенском домике, унаследованном мной от отца. Вы знаете эти плоские берега, где в кустах терновника день и ночь воет ветер, где нередко видишь стоячие или лежащие огромные камни, которые были когда-то богами и до сих пор сохранили в своем положении, очертаниях и форме что-то внушающее трепет. Мне всегда казалось, что они вот-вот оживут, и я увижу, как они двинутся по полям медленной, тяжелой поступью, поступью гранитных великанов, или же, взмахнув огромными крыльями, каменными крыльями, улетят в рай друидов.

Море замыкает горизонт, возвышаясь над ним, бурлит и кипит вокруг черноголовых рифов, всегда окаймленных пеной и похожих

на псов, подстерегающих рыбака.

И люди пускаются в это страшное море, которое одним движением своей могучей зеленоватой спины опрокидывает баркасы и глотает их, как пилюли. Смелые, буйные и пьяные, люди днем и ночью выходят в море на своих суденышках. Пьяны же они очень часто.

«Когда бутылка полна, – говорят они, – то и риф заметишь, а пуста, ничего не увидишь».

Войдите в их лачуги. Вы никогда не увидите там отца семейства. А если вы спросите женщину, что стало с ее мужем, она укажет рукой на мрачное ревущее море, брызжущее на берег белой слюной. Как-нибудь вечером он хватил лишнего и не вернулся оттуда. И старший сын тоже. У нее еще четверо сыновей, четверо рослых и сильных белокурых молодцов. Скоро настанет их черед.

Итак, я жил в своем деревенском домике близ Пон л'Аббе. Я жил там со слугою, бывалым моряком, и с одной бретонской семьей, сторожившей усадьбу в мое отсутствие. Эта семья состояла из трех человек: двух сестер и мужа одной из них, работавшего у меня садовником.

И вот в том году, на святках, жена моего садовника родила мальчика.

Супруг явился звать меня в крестные. Я не мог отказать ему, и он занял у меня десять франков – на церковные расходы, по его словам.

Крестины были назначены на второе января. Уже целую неделю земля была одета снегом, огромным, мертвенным и твердым покровом, которому словно конца не было на этой плоской низменной местности. Море же вдали, за белой равниной, казалось черным; видно было, как оно бушевало, выгибало спину и катило свои волны, будто хотело броситься на свою бледную соседку, напоминавшую покойницу, – так она была тиха, уныла и холодна.

В девять часов утра дядюшка Керандек появился у моих дверей в сопровождении свояченицы, высокой тетки Кермаган, и повитухи, которая несла завернутого в одеяло ребенка.

И вот мы отправились в церковь. Стоял такой зверский холод, что трескалась кожа, а ледяные ожоги причиняли отчаянную боль.

Такой мороз, что, казалось, могли расколоться даже долмены. Я думал о бедном малыше, которого несли впереди, и говорил себе, что эти бретонцы действительно железное племя, если их дети с самого рождения способны выносить такие прогулки.

Мы подошли к церкви, но дверь была заперта. Господин кюре запаздывал.

Тогда повитуха, усевшись на тумбу около паперти, принялась раздевать младенца. Сначала я решил, что он намочил пеленки, но увидел, что его просто раздевают донага, да, донага, раздевают бедняжку совсем донага на таком морозе! Я подошел, возмущенный таким безумием:

– Да вы с ума сошли! Вы же убьете его!

Женщина ответила благодушным тоном:

– Нет, сударь, надо, чтоб он ждал господа бога голеньким.

Отец и тетка глядели на это совершенно спокойно. Таков был обычай. Если его не исполнить, с новорожденным может случиться несчастье.

Я рассердился, изругал отца, грозил, что уйду, хотел насильно прикрыть хрупкое существо. Все было напрасно. Повитуха увертывалась от меня, бегая по снегу, а тело крошки становилось лиловым.

Я уже хотел было уйти от этих зверей, когда увидел кюре, шагавшего по полю в сопровождении пономаря и мальчика-служки.

Я побежал навстречу и с яростью высказал ему свое возмущение. Он нисколько не удивился, не стал спешить, не прибавил шагу. Он ответил:

– Что ж поделаешь, сударь? Это обычай. Они все так поступают, и мы не в силах бороться с этим.

– Так поторопитесь, по крайней мере! – закричал я.

Он возразил:

– Не могу же я бежать.

И он вошел в ризницу, а мы все остались на паперти, где я страдал, наверно, гораздо больше, чем бедный, раскричавшийся малютка, исжальный морозом.

Наконец дверь открылась. Мы вошли. Но ребенок должен был оставаться голым во время всей церемонии.

Длилась она бесконечно. Кюре мямлил латинские слоги, которые,

падая из его уст, соединялись в бессмысленные слова. Двигался он медленно, с неторопливостью священной черепахи, и его белая риза леденила мне сердце, словно это был тоже снежный покров, в который он облачился, чтобы именем жестокого, немилосердного бога мучить эту корчившуюся от холода человекоподобную личинку.

Наконец крещение было завершено по всем правилам, и я увидел, что повитуха закутывает в большое одеяло окоченевшего младенца, кричавшего жалобно и пронзительно.

Кюре сказал мне:

– Прошу вас подписать метрику.

Я повернулся к садовнику:

– Поскорее возвращайтесь домой и немедленно отогрейте ребенка.

И я дал ему несколько советов, как предотвратить воспаление легких, если еще не поздно.

Он обещал мне выполнить все мои указания и удалился вместе со свояченицей и с повитухой. Я пошел за священником в ризницу.

Когда я расписался, он потребовал с меня пять франков за совершение обряда.

Так как я уже дал отцу десять франков на эти расходы, то отказался платить вторично. Кюре пригрозил, что разорвет бумагу и признает обряд недействительным. Я, в свою очередь, угрожал ему прокурором Республики.

Ссора затянулась; в конце концов мне пришлось заплатить.

Возвратившись домой, я поспешил узнать, не случилось ли какой беды. Я побежал к Керандекам, но оказалось, что отец, свояченица и повитуха еще не возвращались.

Роженица, оставшись совсем одна, дрожала от холода в постели и была голодна, так как со вчерашнего дня ничего не ела.

– Куда же их черти занесли? – спросил я.

Она ответила, не удивляясь и не сердясь:

– Пошли, верно, вспрыснуть крестины.

Таков был обычай. Тогда я вспомнил о своих десяти франках, предназначенных для оплаты священника; наверное, их истратили на выпивку.

Я послал матери бульону и приказал, чтобы у нее пожарче натопили комнату. Я был встревожен, взбешен, давал себе слово

выгнать этих дикарей и с ужасом спрашивал себя, что будет с несчастным малышом.

В шесть часов вечера они еще не возвращались.

Я приказал слуге ждать их, а сам лег спать.

Заснул я сразу, потому что сплю, как настоящий матрос.

На рассвете слуга разбудил меня, явившись с горячей водой для бритья.

Едва открыв глаза, я спросил:

– А Керандек?

Слуга заколебался, потом пробормотал:

– Ох, сударь, он вернулся поздней ночью, пьяный, как стелька, и тетка Кермаган тоже, и повитуха тоже. Они, верно, дрыхли где-нибудь в канаве. Ребенок-то помер, а они и не заметили.

Я одним прыжком вскочил с постели и воскликнул:

– Ребенок умер?

– Да, сударь, они принесли его тетке Керандек. Она, как увидела его, начала плакать; ну, они и ее напоили, чтобы утешить.

– Как, ее тоже напоили?

– Да, сударь. Но я-то узнал обо всем этом только сейчас, утром. У Керандека не осталось ни водки, ни денег, так они взяли спирт для той лампы, которую вы им подарили, и вчетвером допили все, что оставалось от литра. Так что тетке Керандек очень плохо.

Я наспех оделся, схватил палку, решив избить всех этих двуногих зверей, и побежал к садовнику.

Роженица, напившаяся древесного спирта, лежала уже в агонии возле посиневшего трупа своего младенца. Керандек, повитуха и тетка Кермаган храпели на полу. Мне пришлось ухаживать за больной, а к полудню она умерла.

Старый доктор замолчал. Он снова взял бутылку и налил себе еще одну рюмочку коньяку. И, снова посмотрев золотистую жидкость на свет лампы, превращавший ее в расплавленный топаз, он залпом выпил этот вероломный жгучий напиток.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 13 января 1885 года.

«Западня» – роман французского писателя Эмиля Золя (1840 – 1902), вышедший в 1877 году.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 6. МП «Аурика», 1994

Перевод В. Мозалевского. Некаýаlar